

Культура русской провинции в контексте региональной истории

В последние годы в региональных гуманитарных исследованиях, и исторических исследованиях в частности, заметен поворот в сторону более интенсивных и методологически глубоких штудий в области изучения провинциальной культуры. Этот поворот, на наш взгляд, вызван целым рядом причин. Среди них особо можно выделить «второе влияние» эпистемологической концепции гуманитарного знания А. С. Лаппо-Данилевского; быстрое развитие и распространение «научного обаяния» культурологии в качестве новой для отечественной науки гуманитарной дисциплины; снятие идеологических табу с исследований сферы духовной жизни общества, связанной с религией; переосмысление источниковедческой ценности памятников культуры для изучения региональной истории.¹

Культура русской провинции никогда не имела того отдельного статусного значения, которым обладала «большая» культура столиц. Текст провинциальной культуры вплетён в контекст региональной истории ещё плотнее и естественнее, чем это можно наблюдать на уровне глобальной истории страны. В отдельные периоды существования того или иного региона его культурная история нередко как раз и составляла большую часть доступного исследованию современного учёного исторического контекста жизни общества. В рамках данной работы мы можем предложить только беглый обзор истории представлений о месте культуры в региональной истории, которые складывались в среде исследователей, работавших в провинции в XIX—XX вв. Но, думается, и он будет способствовать общему пониманию проблем и противоречий современной локальной истории.

Первый этап изучения провинциальной культуры можно охарактеризовать как «церковно-археологический». Его основа была заложена в середине XIX в. инициированной правительством Николая I деятельностью по выявлению и описанию сохранившихся в российских городах древних памятников православного благочестия, продолженной в дальнейшем столичными и провинциальными научными обществами.

Исследовательская работа этого времени была неплохо организована. В последней четверти XIX в. она координировалась губернскими археологическими обществами и архивными комиссиями, имевшими свои печатные органы, древлехранилища и церковно-археологические музеи.

Самое активное участие в изучении и публикации памятников местной старины принимала Русская Православная Церковь. Большую часть «церковных археологов» составляли просвещённые представители провинциального духовенства: благочинные, настоятели городских соборов, храмов крупных монастырей, преподаватели духовных академий и семинарий. Это обстоятельство, а также оторванность региональных церковно-археологических исследований от университетской исторической науки того времени определили специфику ценностно-смыслового понимания местной истории и культуры.

**Сукина, Л. Б.* Культура русской провинции в контексте региональной истории. Доклад на конференции «Новая локальная история: методы, источники и провинциальная историография», Ставропольский государственный университет, 23 мая 2003 года.

¹*Вздорнов, Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. / Г. И. Вздорнов. — М., 1986. — С. 20—27.

Эта сноска стоит не на своём месте; в оригинале она вообще не была обозначена.

Критериями определения ценности памятников местной старины выступали их древность и роль в формировании и укреплении православного благочестия, связь их происхождения и истории с видными деятелями церкви (святыми, представителями верхушки церковной иерархии, основателями известных храмов и монастырей) и членами царских династий. Провинциальная культура эпохи средневековья и даже нового времени оказывалась вписанной не в региональную историю, которая, по большей части, ещё не была осмыслена теоретически, и даже не в историю России, а в некую метаисторию Православного мира. Такой подход вполне укладывался в общую парадигму тогдашней науки о культуре, с её поиском «своей античности», интересом к ранней христианской истории и истории византийского православия.¹ В этот же период крупнейшие исследователи русской средневековой культуры Ф. И. Буслаев и Н. П. Кондаков находили прообразы и образцы произведений XVII и даже XIX вв. в византийской и позднеантичной древности.² Но на уровне локальной истории такая методология создавала своего рода псевдоисторическую картину прошлого того или иного региона, которая, с одной стороны, тешила самолюбие губернских патриотов, а с другой, нисколько не приближала к пониманию подлинного места и значения региональной культуры. Притом необходимо отметить, что уже эта методология осмысления провинциальной культуры оказалась весьма плодотворна для будущего науки, так как церковной археологией был сформирован мощный корпус публикаций ценнейших документальных и изобразительных источников, активно используемых современными исследователями.

Церковная археология послужила источниковой базой и второму этапу исследований культуры русской провинции — «краеведческому». Краеведение как несколько обособленный тип исторического знания начало складываться ещё на рубеже XIX—XX вв., но в качестве массового научно-культурного движения сформировалось в первое десятилетие после Октябрьской революции 1917 г.³ В это время во многих губернских, уездных и волостных центрах возникали краеведческие и научно-просветительные общества, кружки и музеи.

Сильной стороной краеведения 1920-х гг. был относительно высокий профессиональный уровень исследований. Методологическая база краеведения была заложена трудами крупных учёных-историков и искусствоведов дореволюционной школы, которые в силу различного рода экономических и политических причин были вынуждены временно покинуть столицу и переселиться в провинцию. Именно они своими исследованиями на местном материале давали мощнейший импульс научной деятельности в регионах, формировали провинциальные научно-исследовательские и музееведческие школы, способствовали становлению исследовательских методик. Краеведение тех лет пополнилось именами М. Н. Тихомирова, М. И. и В. И. Смирновых и многих других учёных, работавших в небольших провинциальных городах. В краеведческом научном сообществе были налажены тесные контакты, благодаря системе специальных организаций, регулярных съездов и конференций, периодических изданий осуществлялось постоянное общение исследователей из разных регионов страны.

Преобладавшая в этот период позитивистская парадигма исторического знания, унаследованная от науки предшествующих десятилетий, предопределила серьёзный перевес в краеведческих исследованиях в пользу политической и социальной истории, а истории культуры отводилась второстепенная роль. Нередко культурные аспекты местной истории и вовсе исключались из неё как несущественные.

Но постепенно краеведение 1920-х гг. сформировало научную традицию исследования культуры отдельных регионов, когда при выявлении местных особенностей культурного развития непременно учитывались аспекты общенационального художественного и исторического процесса, потенциальные источники внешних влияний и заимствований. Созданные в это время краеведческие экспозиции местных музеев, в которые щедро включались раз-

¹Карсавин, Л. П. Восток, Запад и Русская идея / Л. П. Карсавин. — Петроград, 1922.

Кнабе, Г. С. Русская античность / Г. С. Кнабе. — М., 2000.

²История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). — М., 1985.

³Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 55—66.

дела древней живописи, церковных ценностей, рукописных и старопечатных книг, создавая устойчивое представление о культурном своеобразии каждого провинциального города и уезда и степени участия его населения в формировании общерусской культуры. Вероятно, к такому пути исследований местных историков подталкивал сам сохранившийся исторический материал, большую часть которого в провинции, особенно в старинных городах центральной и северо-западной части России, составляли памятники культуры и искусства.

В качестве примера изменения методики в описании истории провинциального города можно привести два монографических исследования известного историка-краеведа первой половины XX в. М. И. Смирнова.¹ В работе 1910-х гг. «Переславль-Залесский, его прошлое и настоящее» памятники культуры лишь изредка упоминаются в тексте в связи с теми или иными историческими событиями.² А в книге 1934 г. «Переславль-Залесский. Исторический очерк» уже сделана достаточно основательная для того времени попытка охарактеризовать художественную культуру Переславля периода средневековья, народную культуру и местный фольклор как древний, так и современный автору исследования, с использованием метода сравнительного анализа и ссылками на новейшие искусствоведческие исследования и труды историков литературы.³

Развитие практики исторического изучения культуры в провинции было прервано репрессиями против краеведов 1929—31 гг. В первую очередь пострадало историко-культурное краеведение, фактологическая сторона которого объективно портила стройную картину марксистско-ленинской парадигмы истории смены экономических формаций и классовой борьбы. Оно было квалифицировано как «гробокопательско-архивное» и ликвидировано.⁴ Научные общества были закрыты, провинциальные музеи лишены права издательской деятельности, формирование их коллекций поставлено под строгий контроль партийных и советских органов, а из экспозиций выведены разделы, посвящённые духовной культуре региона. Постепенно областные и районные музеи превращаются в «культуркомбинаты» по пропаганде достижений социализма. Не поощрялись историко-культурные исследования и в провинциальных вузах. На целые десятилетия культура русской провинции стала едва ли не синонимом «художественной самодеятельности» в самой примитивной форме её существования, не представляющей собой ничего ценного для осмысления «настоящего» культурного процесса и не достойной внимания серьёзного исследователя.

Оживление интереса к культуре русской провинции произошло в 60—70-е гг. XX в. в связи с начавшимся туристическим бумом, который совпал с расцветом научной реставрации и массовым увлечением древнерусской литературой, живописью и архитектурой, народным искусством и фольклором. Большую роль в этом сыграло издание многотомной истории русского искусства.⁵ В это время формируются представления о местных школах иконописи, зодчества, деревянной скульптуры и прикладного искусства, книгописных центрах. Издаются альбомы-путеводители по старым русским городам. Однако в большинстве работ рассматривались только наиболее яркие памятники, а сам процесс формирования художественной культуры российских регионов в основном оставался за рамками исследований. Исторический контекст появления и существования описываемых шедевров искусства весьма слабо интересовал авторов публикаций — преимущественно искусствоведов и присутствовал в виде внутритекстовых ремарок. Многие из исследователей, подчиняясь концепции глобальной истории и учитывая идеологические требования времени, не останавливались на таких мелочах, как власть местных князей или влияние региональных церковных иерархов и святых.

¹Смирнов Михаил Иванович (1868—1949) — историк и краевед, создатель Переславль-Залесского историко-художественного музея (1919 г.) и Переславль-Залесского научно-просветительного общества, автор научных и научно-популярных работ по истории Переславля-Залесского, Сергиева Посада, Коломенского, Нижнего Новгорода.

²Смирнов, М. И. Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911.

Книга вышла подряд сразу двумя изданиями: второе идентичное издание — Сергиев Посад, 1913.

³Смирнов, М. И. Переславль-Залесский: Исторический очерк 1934 года / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский: Плещеево озеро, 1996.

⁴Шмидт, С. О. «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1990. — Вып. 1. — С. 64.

⁵История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. — М., 1953—1964. — Т. 1—13.

К числу немногих счастливых исключений из общего методологического принципа следует отнести монографию Г. В. Попова «Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв.».¹

Несколько умозрительный общеискусствоведческий подход к изучению провинциальной культуры в духе советского гуманитарного академизма сформировал парадоксальный метод экспонирования произведений культуры в музеях краеведческого профиля. Памятники культуры выделяются в отдельные, часто безликие и унифицированные для всех музеев коллекционно-видовые экспозиции: древнерусское искусство, прикладное искусство, народное искусство, старопечатная книга и тому подобное. В этих экспозициях и методы показа, и методы экскурсионного рассказа и пояснительной экспликации строятся по принципу включения местных памятников в общероссийский искусствоведческий контекст и, как правило, игнорирования специфики местного исторического прошлого, в котором, собственно, и следовало бы искать причинно-следственные связи появления или создания экспонируемых памятников культуры в данном регионе. Методологический кризис интерпретации местной культуры в региональном историческом контексте стал очевиден, когда на основе бывших художественных отделов областных краеведческих музеев в массовом порядке начали создаваться самостоятельные художественные музеи и галереи, организованные по типу «малых Третьяковок». Культура снова оторвалась от истории, но на этот раз инициатором разделения «сфер влияния» выступила не историческая наука, а искусствоведение. Этот этап в изучении провинциальной культуры мы можем охарактеризовать как «академический», имея в виду советский академизм в сфере истории и искусствознания, основанный на позитивистской парадигме гуманитарного знания.

Наиболее продуктивным для исследования культуры русской провинции в её взаимосвязи с региональной историей оказался период второй половины 1980-х — 1990-х гг. Этот этап, вероятно, можно назвать «междисциплинарным», так как данное определение раскрывает внутреннюю суть и содержание большинства культурологических исследований конца XX века. Знакомство с трудами западных учёных, новыми методиками, возвращение в научный оборот забытых отечественных публикаций, достижения классической филологии и лингвистики оказали огромное влияние на формирование культурологического подхода к изучению истории провинциальной культуры.

В 1980—90-е гг. XX в. активизировалась и исследователи в самой провинции. Одной из причин этого стало предоставление государством определённой политической и экономической независимости регионам. В процессе становления этой независимости у региональных властей возник интерес к истории и культуре своих территорий. Во многих областях в вузах и средних школах были введены курсы краеведения, значительно увеличилась доля регионального компонента в традиционных учебных дисциплинах: отечественной истории, истории русской литературы, музыки, театра, изобразительного искусства, а затем и культурологии.

Оживлению исследований на местах способствовала учреждённая в ряде регионов система губернаторских грантов и премий за историко-культурные и краеведческие работы, привлечение средств бюджетов субъектов федерации для обеспечения поддержки региональных конкурсов федеральных научных фондов (РФФИ, РГНФ). Во многих провинциальных центрах на базе музеев и вузов была восстановлена практика проведения периодических научных конференций, посвящённых местной истории и культуре (например, «История и культура Ростовской земли» в Ростове Великом, «Чтения по древнерусской литературе и культуре» в Ярославле и тому подобные). Открыты кафедры краеведения и культурологии. В некоторых городах сделаны попытки реанимировать массовое краеведческое движение.

Следует обратить внимание на тот факт, что в самих названиях конференций, научных сборников, кафедр, факультетов и научных обществ изначально была заложена идея исследовательской и образовательной междисциплинарности. Другое дело, что на первых порах эта междисциплинарность часто реализовывалась формально, методом простого объединения чисто исторических и чисто искусствоведческих докладов в рамках одного научного мероприятия или коллективной публикации. При этом историки и искусствоведы не проявляли серьёзного взаимного интереса к исследованиям коллег из другого лагеря. На данном

¹ Попов, Г. В. Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. / Г. В. Попов. — М., 1973.

этапе исследовательской деятельности между историей и культурой ещё существует определённая дистанция. Но при этом представляется важным, что историки и исследователи культуры научились сосуществовать друг с другом и сделали попытку выйти на уровень общей проблематики.

В это же время в практике музейного дела наряду с традиционными методами решения проблемы отражения вопросов культуры в исторических экспозициях¹ появились новые удачные проекты и решения. Слияние истории и культуры в единое познавательное пространство в музейной экспозиции оказывается естественным и логичным в тех случаях, когда такому методу интерпретации культуры способствуют особые обстоятельства. Так, уникальная экспозиция «Слово о полку Игореве» Ярославского музея-заповедника, соединяющая в себе рассказ о литературном произведении и истории и культуре древнего Ярославля, расположена в том самом Спасском монастыре, где был обнаружен список знаменитого памятника древнерусской литературы. Продуктивная в познавательном и исследовательском плане концепция использована при музеефикации древнейших памятников архитектуры Александровой слободы. Здесь объединяющей идеей выступило желание подчеркнуть роль слободы в качестве загородной резиденции Ивана Грозного и его предшественников на русском престоле. Именно такая историческая функция Александровой слободы создала условия появления здесь уникальных архитектурных памятников. Также в перспективном плане музеефикации Ростовского кремля обыгрываются существующие в реальности части архитектурного ансамбля архиерейского двора (запланированная историко-культурная экспозиция призвана подчеркнуть историческое предназначение территории кремля и интерьеров его построек).² Новому осмыслению культуры и культурных объектов в исторических экспозициях музеев немало способствовал и долгосрочный проект ГИМа по проведению регулярных Научных советов исторических и краеведческих музеев РФ по проблемам интерпретации источников в музейной экспозиции.

В настоящее время в изучении и музейной и образовательной интерпретации культуры русской провинции прослеживается несколько направлений. В рамках нашей небольшой работы мы остановимся только на самых важных из них с методологической точки зрения.

Самое устойчивое, существующее на протяжении нескольких десятилетий — направление, эксплуатирующее традиционную позитивистскую парадигму научного исследования и образовательных подходов. В его рамках продолжают создаваться лекционные курсы, музейные экспозиции и серии монографий и статей, посвящённых памятникам искусства и культуры, сохранившимся в регионах. Назовём в качестве примера одну из последних серий «Памятники художественной культуры Древней Руси», издаваемую «Северным паломником», в создании которой принимают участие исследователи из регионов под эгидой Государственного института искусствознания. Это направление нельзя считать непродуктивным, так как оно позволяет накапливать информацию о культурных объектах и формировать источниковую базу истории региональной культуры, недостаток которой по-прежнему ещё остаётся ощутимым препятствием для исследователей. Но в то же время оно консервирует ситуацию познавательного отрыва истории местной культуры от общего контекста истории региона.

Второе направление связано с междисциплинарными исследованиями и его методиками. Исследователи, использующие в своей работе приёмы междисциплинарности, пытаются преодолеть разрыв между культурой и историей на уровне локальной проблематики. К сожалению, результат часто не соответствует поставленной цели, так союз исторического и искусствоведческого знания оказывается чисто механическим. Примером тому могут служить многочисленные «междисциплинарные» сборники, издаваемые в провинции, междисциплинарность которых реализуется только в названии, вынесенном на обложку.³ Но именно

¹Подробнее об этом см.: Сукина, Л. Б. Вопросы отражения духовной культуры региона в исторических экспозициях провинциальных музеев / Л. Б. Сукина // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков. — М., 2001. — С. 449—454.

²Мельник, А. Г. Перспективный план музеефикации Ростовского кремля / А. Г. Мельник // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. — Ярославль, 1997. — С. 7—14.

³См., например, сборники конференций «История и культура Ростовской земли»; 350 лет церкви Ильи Пророка в Ярославле: Статьи и материалы. — Ярославль, 2001.

в рамках данного направления осуществляются и по-настоящему перспективные и интересные для будущего локальной истории исследования, использующие методы исторической и культурной антропологии и позволяющие создавать полноценные историко-культурные работы, в которых культура и история выступают в контексте единой системы знания.¹ Эти исследования показывают, что только в контексте локальной истории региона провинциальная культура приобретает полноценное содержание и смысл и перестаёт быть второсортной копией «общекультурного» процесса.

В целом же перед историком провинциальной культуры в настоящее время стоят те же проблемы поиска методологических подходов, адекватного интеллектуального инструментария исследования, что и перед всем научным сообществом, объединённым концепцией «новой локальной истории». Тем более что культурная история провинции и является органичной частью локальных региональных историй.

Литература

1. *Вздорнов, Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. / Г. И. Вздорнов. — М., 1986.
2. История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф. И. Буслаев, Н. П. Кондаков: методы, идеи, теории). — М., 1985.
3. История русского искусства / Под ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. — М., 1953—1964. — Т. 1—13.
4. *Карсавин, Л. П.* Восток, Запад и Русская идея / Л. П. Карсавин. — Петроград, 1922.
5. *Кнабе, Г. С.* Русская античность / Г. С. Кнабе. — М., 2000.
6. *Мельник, А. Г.* Перспективный план музеефикации Ростовского кремля / А. Г. Мельник // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. — Ярославль, 1997.
7. Опыт историко-культурной хроники приходской жизни русского города XVII — первой четверти XVIII в. (религиозный опыт прихожан по материалам Ярославля) / В. В. Горшкова, О. И. Добрякова, Д. Ф. Полознев, Т. А. Рутман // Человек между Царством и Империей. — М., 2003.
8. *Попов, Г. В.* Художественная жизнь Дмитрова в XV—XVI вв. / Г. В. Попов. — М., 1973.
9. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее / М. И. Смирнов. — М., 1911.
10. *Смирнов, М. И.* Переславль-Залесский: Исторический очерк 1934 года / М. И. Смирнов. — Переславль-Залесский: Плещеево озеро, 1996.
11. *Сукина, Л. Б.* Вопросы отражения духовной культуры региона в исторических экспозициях провинциальных музеев / Л. Б. Сукина // Теория и практика музейного дела в России на рубеже XX—XXI веков. — М., 2001.
12. *Шмидт, С. О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения / С. О. Шмидт // Отечество: Краеведческий альманах. — М., 1990. — Вып. 1.

¹См., например: Опыт историко-культурной хроники приходской жизни русского города XVII — первой четверти XVIII в. (религиозный опыт прихожан по материалам Ярославля) / В. В. Горшкова, О. И. Добрякова, Д. Ф. Полознев, Т. А. Рутман // Человек между Царством и Империей. — М., 2003. — С. 429—452.